

Руджеро Сантилли как возмутитель спокойствия, и индекс цитируемости Хирша

В ходе продолжающейся дискуссии о роли индекса Хирша в оценке научного вклада научных же сотрудников мне было из редакции одного замечательного альманаха переправлено письмо от доктора физ.-мат. наук со словами «Однако этот процесс (*«гангстеризм в науке»*) усиливается, и имеют место сговоры по поводу нецитирования и даже блокировки публикаций авторов. Самый яркий пример относится к блокировке публикаций выдающегося исследователя современности Руджеро Сантилли». Редакция обратилась к автору этих строк с вопросом, знаю ли я об этом деле.

Да, знаю, я несколько осведомлен о работах Руджеро Сантилли (Ruggero Santilli) и ситуации, которая сложилась вокруг него. Ему уже за 80 лет, он – как его определяют разные источники – физик-теоретик, физик-ядерщик или прикладной математик, весьма успешен в фундаментальных науках. На индекс цитирования – а именно это послужило основанием внимания редакции к Сантилли – ему жаловаться не приходится. Поскольку индексы цитирования – это то, что регулярно находится в русле обсуждения на моей Прямой Линии (https://vk.com/topic-86388164_35615940), приведу соответствующие данные по состоянию на начало мая этого, 2019 года. Напомню, что индекс цитирования Хирша – это число, на котором сходится количество наиболее цитируемых работ (в данном случае в наиболее надежном, на мой взгляд, сетевом справочнике Google Scholar) и порядковое число этих работ. Итак, у Сантилли эти показатели следующие:

881 – 178 – 131 – 119 – 111 -104 – 103 – 90 – 87 – 84 – 79 – 69 – 64 – 61 – 60 – 59 – 50 – 45 – 44 – 42 – 41 – 39 – 37 – 36 – 36 – 34 – 34 – 33 – 33 – 32 – 31 - 30 -30 – 29...

Мы видим, что статья под порядковым номером (по убыванию цитируемости) 31 процитирована 31 раз. Следующая статья под порядковым номером 32 процитирована 30 раз, следовательно, уже не включается в расчет индекса Хирша. Итак, у Сантилли индекс цитирования Хирша равен 31. Всего работы Сантилли процитированы около 5000 раз, но это к индексу Хирша уже не имеет отношения, это – для общей оценки его вклада в науку, если вклад определять по входу его работ в информационные научные потоки при наличии соответствующей обратной связи (цитирование). На мой взгляд, это для фундаментальных (или академических) исследований наиболее разумная оценка вклада в науку. Для других достижений есть другие оценки – создание и практическая реализация новых машин и механизмов, другие практические применения, важные для человечества, в том числе секретные, где цитирования практически исключены, но там оценка выносится в виде крупных и прочих ведомственных, национальных и международных премий, лауреатских знаков, соответствующей зарплаты, общественным признанием, и так далее.

Например, В.В. Путину вовсе не обязательно иметь высокий, или вообще какой-то индекс цитирования, его работу оценивают по другим показателям. Ошибка считать, что индекс Хирша определяет всё на свете, или даже только в науке. Научное признание выражается и в других формах, но если работы открытые, то было бы крайне экзотично, если бы цитирований в научной печати не было, а научное признание было бы высоким. Что-то здесь не складывается. Или за «научным признанием» в таких случаях стоит высокая оценка, выдаваемая некой сектой. Или какими-то «определенными кругами». Или сам автор утверждает, что ему индекс цитируемости не нужен, у него и так много книг опубликовано, его все знают. Это напоминает хрестоматийное «да кто твоего академика знает? Я на сервисе работаю, меня вся Москва знает».

Приходится напомнить про «широко известного в узких кругах» Льва Самуиловича Клейна, археолога и ведущего норманиста (то есть он считает, что государственность Руси якобы создали скандинавы (<http://pereformat.ru/2018/06/poslednij-gvozd-v-grob-normannizma/>), и который примерно так парировал мне в нашей с ним дискуссии – что, мол, мне цитируемость, у меня 40 книг издано, и меня с почетом за границей встречают. Да, действительно, у него индекс цитируемости равен 4. На уровне младшего научного сотрудника. Это, как все уже поняли, означает, что у Клейна цитируются только первые (по порядку цитируемости) четыре статьи в том виде, что на последнюю статью имеются только четыре ссылки. Остальные образуют «общий фон», в некотором роде информационный шум. Там же – и все его сорок книг. Их или не читают, или не цитируют, или ни то, ни другое (табличка ниже – из международного ресурса ResearchGate).

Leo Klejn

17.75 · Saint Petersburg State University

Department

Historical Institute, dept. of archaeology

h-index ⓘ

4

h-index

4

excluding self-citations

Top *h* cited research:

A Panorama of Theoretical Archaeology

Article · Mar 1977 · Current Anthropology

Клейн, разумеется, на эти показатели «парировал» тем, что на работы по археологии вообще не ссылаются (про его работы по норманнизму он скромно умолчал), ссылаются, мол, только у других, на их на естественно-научные работы. Это – известный «аргумент» тех, у кого нет цитируемости, они всегда придумывают причины, сродни опять же хрестоматийному танцору. В той же дискуссии я привел Клейну пример археолога David Anthony, который кстати, занимается археологией Причерноморья, как и Клейн, и именно на эти работы у Антони максимальное количество ссылок.

Вот показатели Anthony:

987 – 701 – 367 – 254 – 179 – 172 – 144 – 119 – 119 – 94 – 72 – 66 – 63 – 59 – 55 – 54 – 54 – 49 – 48 – 47 – 44 – 42 – 42 – 41 – 41 – 40 – 38 – 37 – 34 – 33 – 32

Индекс цитирования Хирша у археолога Антони равен 31. Кстати, ровно как у физика-теоретика и прикладного математика Сантилли. Кстати, почти такой же, как у физ-химика и биохимика, автора этой статьи (об этом несколько подробнее ниже) с индексом Хирша 30. Вопросы есть?

Клейн, кстати, после этого от комментариев отказался.

Возвращаемся к Сантилли. К сведению, на первом месте у него с цитируемостью 881 стоит книга по гамильтоновой механике. Это означает, что она востребована «научной общественностью» в его научной сфере. Как и книга Антони по археологии Причерноморья, с цитируемостью 987. Как и у меня книга по полимерно-волоконным композиционным материалам, с цитируемостью 608. Различие в абсолютной цитируемости здесь определяется только размером заинтересованной аудитории, точнее, той ее части, которая пишет статьи и цитирует источники. Но для индекса Хирша это практически не имеет значения, и если эту самую цитируемую работу снять, то индекс упадет всего на единицу. За рубежом, и, в частности, в США, есть негласное (или полугласное) правило, что индекс цитируемости 15 является достаточным (порой необходимым) для занятия должности полного профессора. Но вот наличие подобной книги, которая является фактически настольной у специалистов всего мира, резко повышает шансы на занятие почти любой должности или получения высокого звания. Поэтому никто не рассматривает индекс Хирша как единственный фактор для оценки научного вклада и для занятия высокого академического поста, но в любом случае он обязан быть высоким. Если же он низкий – никакие оправдания не помогают. Низкий индекс Хирша – это объективный факт при оценке научной деятельности. Это означает, что со вкладом в информационные научные потоки что-то не то, обратной связи нет. Или не читают (какая бы причина ни была), или не воспринимают, не замечают, не находят интереса.

Здесь есть две типичные «отмазки» танцоров, пардон, авторов с малой цитируемости. Одна – что они публикуются в российских изданиях, которые за рубежом не цитируют. Да, согласен, цитируют мало. Среди моих работ в индексе Хирша, равном 30, есть всего одна статья в российском журнале (с цитируемостью 33), пусть это и один из виднейших отечественных академических журналов. Но авторы сами выбирают этот путь, где публиковаться. Спортсмен, который выступает только на дорожках своего клуба, или только своего города, или даже только своей страны, принципиально не выезжая за пределы им самим выставленных ограничений и не соревнуясь с зарубежными соперниками, вряд ли станет олимпийским чемпионом. Вторая «отмазка» – что, мол, напиши книгу, и будет много цитирований. Этот примитив даже комментировать неудобно. Ну, милости просим, напишите. Вперед. Тогда посмотрим, станет ли она настольной у специалистов всего мира. Станет – честь и хвала. И много цитирований.

Опять возвращаемся к герою нашего повествования, Руджеро Сантилли. Как видим, к его цитируемости претензий нет, человек научно заслуженный. Но с ним – некоторая проблема, что и послужило основой нашего к нему интереса. Эта проблема привела к ряду расследований среди ученых его деятельности в последние 10-15 лет, и возникновения скандальной ситуации. Но его индекс Хирша здесь не при чем. Приходится повторить, что д-ру Сантилли на этот индекс жаловаться не приходится, так что «блокировка публикаций» - это явное преувеличение, или речь идет о некоторых публикациях определенной направленности. Давайте разберемся.

Блокировка научных публикаций, увы, в науке встречается, и всегда на то оказывается причина. Или это столкновение научных школ или кланов (как правило, у нас «школа», у них – «клан»), или сугубо личные конфликты, причем недруг-блокировщик имеет определенный вес в своем клане, который в свою очередь контролирует ведущие научные журналы в своем направлении, подбор рецензентов, приглашение на важные научные конференции, распределение грантов, и так далее. Иногда, действительно, происходит блокирование публикаций «возмутителя научного спокойствия», когда возмутитель выдвигает новое научное направление или кардинально пересматривает старое, устоявшееся направление, критикует и пересматривает, или призывает пересмотреть основные в нем интерпретации и толкования. Но в науке главное – не открыть, а убедить. Поскольку возмутитель затрагивает прямые научные, а чаще административно-научно-карьерные интересы другого клана, то клан мобилизуется и всеми силами пытается заблокировать возмутителя. Это в науке происходит чаще, чем многие могут подумать. Поэтому убедить обычными способами не всегда получается – журналы для возмутителя закрываются, рецензенты слаженно статьи отвергают, выстраивается информационная блокада. Поэтому возмутитель идет на неординарные действия – создает свой журнал или журналы, публикуется в журналах «второй линии», то есть не ведущих в данной области, создает свой научный институт, порой из двух-трех человек, создает свой круг единомышленников, и «околонаучная война» переходит в новую фазу.

Задача возмутителя – прорвать информационную блокаду, и убедить «научную общественность», что его концепция научно состоятельна, и имеет право на объективное научное рассмотрение. Задача противоположного клана – держать информационную блокаду, всячески дискредитировать возмутителя спокойствия, засыпать справочники и энциклопедии односторонней или откровенно искаженной «информацией» о том, что возмутитель – шарлатан от науки. Здесь в дело идет всё – и что создан свой журнал, свой институт, что в нем мало сотрудников, что адрес института – обычный дом в пригороде, а вовсе не «штатное» большое каменное здание с десятками или сотнями сотрудников, и прочее – хотя любой понимающий человек знает, что дело вовсе не в своем журнале и не в адресе, размере здания и количестве сотрудников, а в научном содержании исследований. Но это противоположный «клан» интересуется меньше всего. Для дискредитации всё идет в дело, кроме сути исследований.

Кто в такой ситуации победит – показывает время и сила воли возмутителя, настойчивость его сторонников. В случае с Руджеро Сантилли вопрос пока далек от решения. В чем все-таки проблема?

Так вот, дело с ним вовсе не в малой цитируемости, как мы убедились выше. Причины видятся в другом – в поведении возмутителя, и в том, что убедить пока не удается. Уж слишком велика новизна и необычность предлагаемой концепции. Слишком высоки ставки.

Продолжаем разбираться. В списке цитирований Сантилли, приведенном выше, на девятом месте, с 79 цитированиями, идет статья 2006 года *«Новая газобразная и горячая форма воды»* (в переводе с английского), опубликованная в «Международном журнале водородной энергетики», резюме которой начинается так – *«В этой статье мы представляем, видимо, впервые, различные измерения в отношении смеси водорода и кислорода, которую мы называем «газ ННО», который получается с помощью нового электролитического устройства, на которое подан международный патент компанией Hydrogen Technologies Applications, Inc. of Clearwater, Florida)...*

Больше на статьи по этой тематике ссылок среди упомянутых выше 31 наиболее цитированных статей нет. Тем не менее, несколько хорошо цитируемых статей после 2006 года выходили, с числом цитирований 90, 84, 79, 34, в том числе книга 2012 года, с числом ссылок 881. Остальные по тематике антивещество и вопросы космологии. Как видим, особой блокировки работ Сантилли не было, во всяком случае по его обычной тематике.

Но вот с горячей водой, переходящей электролизом в газ с химической формулой H_xH-O , где x – неизвестная до сих пор химическая связь, а сам газ был назван автором «магнекула», пошли проблемы. На упомянутый выше патент есть 32 цитирования, хотя при наличии такого нового, революционного подхода, можно было ожидать больше. Для сравнения, на три моих патента несравненно меньшей значимости, полученных примерно в то же время, есть 71, 64 и 38 ссылок.

Потом появилось известие, что д-ром Сантилли создана коммерческая компания, продающая газ для целей сварки, в которой по сообщению Сантилли добавляется новый газ, хотя по заявлениям других лиц (которые не проверялись), там обычный газ, полученный обычным электролитическим путем. В общем, там заварилась нездоровая каша, в которой расследователи ищут и находят (как они сообщают) компромат, а сторонники Сантилли (не он сам) отвечают исключительно нелитературно, сыпят оскорблениями, что делу «научного убеждения» вовсе не помогает. Более того, очередной расследователь доказывает, что за сотрудников отвечает сам Сантилли, с того же электронного адреса, что тоже делу убеждения не помогает. Когда попытались всерьез найти того, кто сыпал оскорблениями, то институт Сантилли под названием «Институт фундаментальных исследований» (IBR) - тот самый, что имеет адрес обычного дома во Флориде (что на мой взгляд вовсе не компромат, надо судить по результатам работы, а не по размеру здания) ответил, что грубиян умер в аккурат после отправления им очередного

оскорбительно электронного письма. Надо сказать, что убедить в своем открытии научный мир Сантилли пока не удалось. Тем не менее, его сотрудники из IBR, которых найти пока тоже не удалось, регулярно подают самого Сантилли на Нобелевскую премию, которая, конечно, в итоге таких «процедур» не присуждается. В общем, разбираться в этом кавардаке у меня, да и у многих других людей, никакого желания нет.

Почему же Сантилли не удалось убедить научный мир в своем открытии? Да дело довольно просто. В науке принимается то, что (1) воспроизводимо, (2) перекрестно проверяемо, (3) обосновано, и (4) не имеет разрывности с известными явлениями, наблюдениями, материальными признаками и объектами. Например, теория относительности, или релятивистская физика, сводится к ньютоновской механике в земных или близких к земным условиям, и при размерах, значительно превышающих размеры молекул и атомов. Она не «живет» сама по себе. Физики могут сформулировать это более тонко, но здесь важна суть. В науке нет тайного знания, знание всегда формулируется в доступной, проверяемой форме. Это эзотерика базируется на тайном знании, открытом только для «посвященных». Так вот, «новый электролиз» Сантилли пока никому проверить не удалось, как и подтвердить или идентифицировать «неизвестную Н-Н химическую связь». А «сотрудники» Сантилли устроили впечатляющую конспирацию вокруг своих работ. Возможно, хранили коммерческие тайны по ожидаемому применению «магнекул», но тогда это далеко от науки. Надо выбирать - или цитируемость в открытой печати, или коммерческие тайны. Совместимо это не бывает.

Мне самому это знакомо, у меня в научных публикациях есть десятилетний провал с 1997 по 2007 год. До 1996 года вышла серия работ из Гарвардского университета в ведущих журналах *Biochemistry* и «Докладах Академии наук США» (все они среди наиболее цитируемых статей, число цитирований 293, 146, 117, 79), и следующая публикация – уже в 2007 году, книги, подводящей итоги 10-летних закрытых работ, 608 цитирований. Но я не жалею, что потерял десять лет для научной карьеры, было достаточно соответствующей материальной компенсации. А цитирование – никуда не уйдет, можно и наверстать.

И вот теперь, раз начал, можно продолжить на моем личном примере, поскольку то, что описано выше, перекликается в некоторых (к счастью, не всех) «моментах».

Моя цитируемость:

608 – 293 – 146 – 131 – 117 – 117 – 91 – 80 – 79 – 73 – 71 – 66 – 64 – 59 – 56 – 54 – 51 – 51 – 50 – 45 – 41 – 41 – 38 – 34 – 34 – 33 – 33 – 32 – 31 – 30

Индекс Хирша равен 30. Среди этих статей есть три работы по ДНК-генеалогии, из-за которых развернулась информационная блокада, с цитируемостью 45, 41 и 30. Остальные статьи, не попадающие в список самых цитируемых статей, имеют цитируемости 27, 27, 27, 26, 25, 25, 23, 23, 23, 22, 22, 21, 20, 19, 19, 19, 19, 19 и далее. Допустим, что если бы не было возврата «противоположным кланом» моих статей из более читаемых журналов, и все 18 статей попали бы в индекс Хирша, то он был бы равен

не 30, а 48. На самом деле это ровным счетом ничего бы не изменило, во всяком случае в качественном отношении. Как была высокая цитируемость, там она и стала бы более высокой. Никого не интересуют эти подвижки туда-сюда, если цитируемость и так высокая. Блокировка важна, когда цитируемости нет, но ни в моем случае, ни в случае Руджеро Сантилли для цитируемости заметной роли не играет, неважно, по какой причине есть или была блокировка.

А вот теперь о том, в чем мы с д-ром Сантилли принципиально расходимся. Если у него проблемы с научным сообществом начались из-за введения понятия о «новой химической связи», то есть фундаментального понятия, которое так и осталось необоснованным, недоказанным и не верифицированным, а потом и «коммерческой тайны», неизбежной при коммерческом производстве и желая закрыться от конкурентов, то в случае ДНК-генеалогии ничего подобного не было. Все было открыто, воспроизводимо, перекрестно проверяемо, обоснованно, и не было никакого разрыва с существующим научным знанием. Вот, например, мой 111-маркерный гаплотип, который представляет собой ряд «стиров» (от английского сокращения STR, то есть short tandem repeat, что известно каждому генетику), и каждый из 111 маркеров экспериментально и однозначно определяется в любой квалифицированной лаборатории мира:

13 24 16 11 11 15 12 12 10 13 11 17 16 9 10 11 11 24 14 20 34 15 15 16 16 11 11 19 23 15 16
17 21 36 41 12 11 11 9 17 17 8 11 10 8 10 10 12 22 22 15 10 12 12 13 8 15 23 21 12 13 11 13 11
11 12 13 31 15 9 15 12 25 27 19 12 12 12 12 10 9 12 11 10 11 12 30 12 14 25 13 9 10 18 15 20
12 24 15 12 15 24 12 23 19 11 15 17 9 11 11

А вот 111-маркерный гаплотип коллеги, родом из Белоруссии, и, как показали исследования, мы с ним принадлежим не только к одному роду, то есть не только к одной гаплогруппе (это будет пояснено ниже), но и к одному славянскому племени. Мы не знаем точно, как оно называлось в древности – поляне, или древляне, или вятичи, или кривичи (а кривичи были как минимум смоленские, изборские и северные), или дреговичи, полочане, ильменские словене, радимичи, северяне, волыняне или бужане, тиверцы, уличи, белые хорваты или какие другие. В ДНК-генеалогии наше племя (или племена) носит название «восточно-карпатская ветвь гаплогруппы R1a», и дальше идут символы, детализирующие восточно-карпатскую ветвь на много уровней, на которые расходилось это племя, продолжая ДНК-линию патриарха племени, то есть сохраняя в своей Y-хромосоме специфические, уникальные мутации патриарха. Естественно, чем древнее жил патриарх, тем больше мутаций накапливается в гаплотипах его потомков по сравнению с его гаплотипом.

13 **25** 16 11 11 **14** 12 12 10 13 11 **29 15** 9 10 11 11 **25** 14 20 **32 12** 15 **15** 16 11 11 19 23 15 16
17 **19 35 42 13** 11 11 **8** 17 17 8 **12** 10 8 10 10 12 22 22 15 10 12 12 13 8 **14 22** 21 12 **12** 11 13 11
11 12 13 31 **14** 9 15 12 25 27 19 12 12 12 12 10 9 12 11 10 11 **11** 30 12 14 25 13 9 10 **19** 15 20
11 23 16 12 15 **25** 12 23 19 11 15 17 9 11 11

Между этими двумя гаплотипами 26 мутаций (выделены), что дает $26/0.198 = 131 \rightarrow 150$ условных поколений между нами, то есть 3750 лет. Здесь 0.198 мутаций на 111-

маркерный гаплотип на 25 лет (что и названо «условным поколением», и именно при 25 годах на «условное поколение» рассчитана эта величина) – это константа скорости мутаций для 111-маркерных гаплотипов, вычисленная на тысячах гаплотипов, определенных по всей планете, стрелка – поправка на возвратные мутации (Клёсов, А.А. *Практическая ДНК-генеалогия для всех*, М., Концептуал, 2018; Клёсов, А.А. *Кому мешает ДНК-генеалогия*. М., Книжный мир, 2016). Иначе говоря, общий предок нас с коллегой жил на половине этой временной дистанции, то есть примерно 1875 лет назад, в начале нашей эры, или, с учетом погрешности расчетов, 1875 ± 400 лет назад. Поскольку независимыми методами было определено, что мы с коллегой относимся к одному «племени», или субкладу, как говорят в ДНК-генеалогии, который определяется необратимой снип-мутацией (от английского сокращения SNP, то есть single nucleotide polymorphism), и имеет индекс YP1144, который образовался 2500 ± 700 лет назад (<https://www.yfull.com/tree/R1a/>), то эти данные не противоречат друг другу. Столь большая погрешность расчетов, около 20% для двух гаплотипов (по стирам), и около 30% по снипам, обусловлена относительно малой статистикой, 26 мутаций для стиров, и 17 мутаций для снипов (линк дан выше), но для больших выборок, порой достигающих многих тысяч гаплотипов (линк непосредственно ниже) погрешности значительно меньше.

Подобные расчеты проведены с многими тысячами гаплотипов (например, <http://www.scirp.org/Journal/PaperInformation.aspx?PaperID=70004>), все это давно отлажено, проверено-перепроверено и опубликовано во многих статьях. Отличительная особенность ДНК-генеалогии, по сравнению с популяционной генетикой, где применяется другая методология, в том, что в первой используются сотни констант скоростей мутаций, по одной для каждого маркера, экспериментально определенных и верифицированных, и выводы имеют четкую историческую направленность. Расчеты в ДНК-генеалогии основаны на закономерностях физической химии и химической кинетики, а популяционная генетика – это генетика, с ее полуколичественными подходами и другими целями и задачами.

Так вот, вопрос: откуда это (из Википедии)? – *«Вследствие некорректности теоретических основ «ДНК-генеалогии», её методов и выводов, специалистами эта концепция признана псевдонаучной[5][6][7]»*. Кто авторы этих трех ключевых ссылок? Пожалуйста, это Балановский, Клейн и Балановская. Никогда ни они, ни кто-либо другой не приводили ни слова о «некорректности теоретических основ ДНК-генеалогии». Их вызывали на прямой научный диспут <http://pereformat.ru/2015/02/klyosov-position/>, они отмолчались. А как же еще? Можно только с юмором представить, как бы такой диспут проходил, и чем бы закончился. Поэтому и бегут они от него. Какие там теоретические основы, как могут они возражать, говорить о «некорректности»? Определения гаплотипов, снип-мутаций и стир-мутаций, что уже давно рутинная экспериментальная операция, сотнями проводится в нашей московской лаборатории, работающей вместе с Академией ДНК-генеалогии; подсчет числа мутаций в гаплотипах, что можно делать хоть вручную, легко проверяемо и перепроверяемо, применение известных формул химической кинетики, с небольшой модификацией вследствие небольшой доли возвратных (обратимых мутаций), или с помощью разработанных автоматических расчетов (<http://www.scirp.org/Journal/PaperInformation.aspx?PaperID=70004>), с сериями до десяти тысяч гаплотипов в 111-маркерном (или любом другом) формате, где счет завершается за доли секунды, и его можно проверить вручную, если есть желание и время. Какие «некорректные теоретические основы»?

Вот так производится оголтелая и нахрапистая, других слов не подобрать, дискредитация дельцами от науки, теми же Балановскими и Клейном. Вот так делается попытка выстраивания информационной блокады. И это – академические сотрудники. Ладно Клейн, это по сути дела пешка, которого используют, но Балановский – зав. лабораторией РАН (Институт генетики), Балановская - зав. лабораторией Академии медицинских наук, Балановский тоже у нее, по совместительству, ведущим научным сотрудником. Мотив оголтелых атак? Очень просто – страх потерять свою «песочницу», страх, что придется отзываться десятки статей за последние 15-20 лет, в которых откровенный мусор. Страх, что погонят из РАН, что давно пора.

И еще, конечно, идеологические мотивы, русофобия, подыгрывание украинским националистам, грубо слепленные байки, что украинцы якобы генетически далеки от этнических русских, что русские – это якобы генетические финно-угры, что, во-первых неверно, и ДНК-генеалогия это давно отвергла, а во-вторых, почему финно-угры – это что-то плохое, предосудительное, некрасивое? Как-то пахнет фашизмом. На самом деле финно-угры – это лингвистический термин, а этнические русские по определению на нем не говорят, иначе они бы они были бы не этническими русскими, а финно-уграми. Среди этнических русских носителей гаплогруппы N1a1 – в среднем 14%, и это не финны (таких совсем мало, только на границе Финляндии и России), а в основном предки - выходцы с Урала и южной Балтики. А для Балановских – русские это «финно-угры», далеки от украинцев, и древние славяне-агрессоры всех подряд ассимилировали. И это они несут ерунду про «некорректность теоретических основ ДНК-генеалогии»! Как говорят американцы – go figure, то есть – поди сообрази, почему это.

Подводя итоги про цитируемость и ситуацию с д-ром Руджеро Сантилли, отметим, что с индексом Хирша с ним всё в порядке, и это подчеркивает, что Хирш – объективный показатель научного вклада исследователя. Что там на самом деле с открытиями Сантилли – там черт ногу сломит, но мои ощущения показывают, что там какая-то ерунда, которую сам Сантилли туманит как может. Буду рад, если мои ощущения окажутся неверными, и открытия Сантилли войдут в научную и практическую сокровищницу человечества.

*Анатолий А. Клёсов,
доктор химических наук, профессор
президент Академии ДНК-генеалогии
<http://dna-academy.ru/>*